

послужившій затѣмъ долгое время для нихъ воспоминаніемъ о чемъ-то сверхъестественномъ.

По поводу нашихъ праздниковъ и торжествъ, туземцы замѣтили, что скоро и у нихъ настанутъ такіе же дни и что они теперь уже приглашаютъ насъ къ себѣ въ гости. Лхадосцы къ своему новому году, — въ 1901-мъ году къ седьмому февраля, — готовились за нѣсколько дней: все чистилось, мылось, прибиралось. И мужчины, и женщины, и взрослые дѣти — всѣ приводили въ порядокъ свои лучшія одежды и наряды. Наканунѣ же самого праздника у каждаго дома, на открытомъ тепломъ воздухѣ, можно было видѣть чуть не поголовное мытье туземцевъ. Въ роли куаферовъ являлись по большей части женщины, на долю которыхъ вообще выпадало много всевозможныхъ хлопотъ. Кажется, онѣ въ теченіе всей новогодней ночи не смыкали глазъ и не покладали рукъ. Даже лѣнливые мужья ихъ и тѣ встрѣтили этотъ праздникъ на ногахъ, при громкомъ чтеніи молитвъ, а нашъ хозяинъ, Церень, молотобоецъ, успѣлъ кромѣ того приготовить нѣсколько мани и заблаговременно отнести ихъ на сосѣдній горный выступъ. Чуть же забрезжила заря перваго дня новаго года, какъ населеніе Лун-ток-ндо оставило жилища и сошло на берегъ рѣчки къ заранѣе приготовленному большому костру можжевельника, который не столько пылалъ огнемъ, сколько разносилъ густой дымъ, клубами стлавшійся по долинѣ-ущелью. Можжевельниковый дымъ — тотъ же өиміамъ, воскуриваемый буддистами своимъ божествамъ. Подлѣ жертвенника толпилось особенно много женщинъ и дѣтей, оживлявшихъ берега рѣчки звонкими голосами. Изъ хозяевъ многіе еще наканунѣ уѣхали въ ставку своего князя для принесенія ему обычныхъ новогоднихъ поздравленій. Съ восходомъ солнца нарядные лхадосцы возвратились въ дома и принялись за праздничную трапезу.

Въ первые дни новаго года родные и знакомые обыкновенно навѣщаютъ другъ друга.

Наши монголы-спутники въ этотъ праздникъ также побывали кое у кого изъ сосѣдей лхадосцевъ, въ другое же время они предпочитали сидѣть дома или уходить со скотомъ въ ближайшее ущелье. Джэрой—безсмѣнный пастухъ,—забравшись куда-нибудь на вершину скалы такъ громко читалъ молитвы о сохраненіи животныхъ и общемъ нашемъ благополучіи, что распугивалъ звѣрей и птицъ, находившихся по-близости. Этотъ добродушный человекъ, по-прежнему, былъ любимцемъ всего отряда. По вечерамъ у экспедиціоннаго костра, продолжавшаго служить клубомъ, онъ потѣшалъ моихъ спутниковъ